

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ ПАМЯТИ М. ХАЛЬБВАКСА И КРИЗИС ФИЛОСОФИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ «ВОСТОК-ЗАПАД»

В. В. Жданов, Е. И. Промахова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

Поступила в редакцию 26 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются основные положения социальной философии М. Хальбвакса в условиях современного кризиса философии мультикультурализма. На примере культурно-философской дихотомии «Восток – Запад» концепция коллективной памяти раскрывается через механизмы влияния европоцентристски ориентированного научного сообщества на формирование качественно новых представлений о прошлом. Культура и традиция Древнего Востока попадают под влияние философского Запада и постепенно лишаются права носителей полноценных философем. Философия становится достоянием европейской цивилизации, ее появление называют «греческим чудом», отрицая при этом любое влияние извне. В условиях современного развития технологий и масс-медиа, идея культурной исключительности Запада всё чаще транслируется на широкую аудиторию, что способствует нарастающему напряжению между представителями европейской и восточной культур. Призванная изначально урегулировать культурные противоречия, философия мультикультурализма со временем также оказывается под влиянием европоцентристской идеологии.

Ключевые слова: коллективная память, философия мультикультурализма, дихотомия «Восток – Запад», социальные рамки памяти, европоцентризм, ориентализм.

Abstract: the paper examines the main provisions of M. Halbwax's social philosophy in the context of the modern crisis of the philosophy of multiculturalism. Using the example of the East-West cultural and philosophical dichotomy, the concept of collective memory is revealed through the mechanisms of influence of the Eurocentrically oriented scientific community on the formation of qualitatively new ideas about the past. The culture and tradition of the Ancient East fall under the influence of the philosophical West and are gradually deprived of the right to bear full-fledged philosophemes. Philosophy becomes the property of European civilization, its appearance is called the «Greek miracle», while denying any outside influence. In the context of the modern development of technology and mass media, the idea of cultural exclusivity of the West is increasingly being broadcast to a wide audience, which contributes to the growing tension between representatives of European and Eastern cultures. Designed initially to resolve cultural contradictions, the philosophy of multiculturalism over time also comes under the influence of Eurocentric ideology.

Key words: collective memory, philosophy of multiculturalism, East-West dichotomy, social framework of memory, Eurocentrism, Orientalism.

С началом процесса глобализации всё большее число европейских стран столкнулось с проблемой поликультурности, ставшей камнем преткновения для современной политической системы Запада. Разнообразие культур, национальностей, этносов и религий, сосуществующих на территории европейских стран, достигло высоких показателей, что означало необходимость создания совершенно новой политики и философии, которые помогут урегулировать и разрешить из раза в раз повторяющиеся конфликтные ситуации между представителями различных народов.

Возникшая в середине XX в. политика мультикультурализма была призвана уравнивать в гражданских правах жителей европейских государств, среди кото-

рых всё чаще встречались представители восточной культуры. Для представителей европейского сообщества мультикультурализм означал совершенно новый метод национальной интеграции, отличный от распространённого ранее процесса ассимиляции малых народов. И хотя в основании философии мультикультурализма лежит идея о взаимном абстрагировании от культурных рамок в угоду новым открытиям и, как следствие, прогрессу не только в области философского знания, но и во многих других аспектах, в которых достигнуть компромисса ранее не представлялось возможным в силу национальных, этнических, религиозных противоречий, мультикультурализм стал своего рода прикрытием для осуществления скрытых механизмов влияния на сознание масс [1, с. 34]. От-

казаться от своей национальной и культурной идентичности в рамках новой философии оказалось непосильной задачей для европейского культурного сообщества, которое на протяжении многих веков выстраивало репутацию господствующей цивилизации, чьи заслуги неоспоримо должны приниматься соответствующим образом со стороны мирового сообщества. Играть по правилам философии мультикультурализма, которая не стремится к достижению единообразия мировосприятия, а скорее наоборот, предлагает использовать культурное и философское разнообразие народов для положительной динамики развития, сторонникам европоцентризма попросту не удастся, о чем свидетельствует тот факт, что многие страны Ближнего Востока воспринимают в штыки нескончаемые попытки Запада навязать свою культуру и мировоззрение государствам, чей путь обособлен, а потому отличен от пути Запада. Такого рода различия воспринимаются, а самое главное, транслируются европейскому сообществу с позиции «неверных» идей и суждений «отсталых» государств, чья философия и культура, по уже устоявшемуся мнению европоцентристов, по уровню своих достижений на порядок ниже европейской.

Немаловажно учитывать и то обстоятельство, что философский Запад уже начиная с первых десятилетий XIX в. (формирование гегелевской историко-философской модели) решил четко ограничить сферу философского знания, определив его через особый тип рационального познания, тем самым проведя черту между «правильной» европейской философией, основанной на концепции «греческого чуда», и «неправильной», наполовину религиозной, наполовину мифологизированной, философией Востока, отклоняющейся в данном контексте от признанных на Западе норм. Попытка западной цивилизации навязать свои условия мультикультурного общества с доминирующей культурой европейских государств оказалась провальной и столкнулась с большим количеством негатива со стороны «нетолерантных» стран, которые не готовы терпеть ту самую необходимую помощь в лице западных ценностей.

В условиях кризиса мультикультурализма особое внимание заслуживают методы влияния западной цивилизации на европейское сообщество и культуру Востока в контексте продвижения идеи исключительности европейской философской мысли, в категориальном поле которой достижения философских культур Дальнего Востока и Южной Азии (Китай и Индия), средневековой философии арабского мира, а также предфилософских традиций Древнего Ближнего Востока (Египет, Шумер, Финикия, Персия) вообще лишаются права носителей полноценных философем, которым отныне отводится роль в лучшем случае региональных центров теологической и

религиозной мысли, а в худшем – образцов «архаичного» религиозно-мифологического сознания, в силу своего внутреннего устройства не могущих быть не только элементами «прогрессивного» европейского типа мышления, основанного на феномене античной рациональности, но и даже его весьма отдаленными теоретическими источниками.

Один из основных «мягких» методов воздействия на человеческое сознание – прямое влияние на память человека и его воспоминания о прошлом, которые с позиции психологических процессов являются наиболее подвижными. Исследованиями человеческой памяти как социального явления занимался один из наиболее известных французских философов и социологов начала XIX – конца XX в. Морис Хальбвакс, рассматривавший память в контексте социального явления, демонстрируя ее подвижность и изменчивость, отбрасывая при этом тезис о статичности человеческих воспоминаний [2, с. 24]. Человеческие воспоминания о прошлом представляют собой продукт внешней социальной среды, который, в свою очередь, не только формируется под ее воздействием, но и формирует ее посредством ежедневного внедрения в индивидуальные процессы человеческого сознания. И, хотя память зачастую воспринимается как некий индивидуальный процесс воспроизведения событий прошлого, по мнению Хальбвакса, память не принадлежит конкретному индивиду, а изначально носит социальный характер.

Для демонстрации влияния социума на формирование человеческих воспоминаний Хальбвакс выделяет четыре вида человеческой памяти о прошлом: индивидуальную, коллективную, историческую и автобиографическую память о прошлом [3, с. 17]. Каждый из приведенных видов памяти формируется в сознании человека на определенном этапе его жизни, но непрерывно видоизменяется в зависимости от социального контекста и внешних обстоятельств. К примеру, индивидуальная память формируется еще в раннем детстве на этапе изучения человеком окружающего мира; часто такие воспоминания ассоциируются с яркими образами из прошлого, которые запоминаются на всю жизнь в качестве особенных детских воспоминаний. Отличительной чертой данного вида памяти является самостоятельность получения воспоминаний об окружающей действительности: человек сам переживает те или иные события и сам является их носителем. По мнению Хальбвакса, несмотря на то что человек в состоянии самостоятельно приобрести и сохранить в памяти воспоминания о прошлом, индивидуальная память не является достоянием конкретного индивида. В условиях непрерывного влияния социокультурного пространства, внутри которого человек находится ежедневно, индивидуальные воспоминания претерпевают измене-

ния, но эти изменения могут и вовсе остаться не замеченными самим человеком [4, с. 53]. В своих рассуждениях Хальбвакс исходит из положения о социальной природе индивидов; человек, будучи существом социальным, осуществляет свою жизнедеятельность в рамках окружающего его социального пространства, внутри которого проходит его жизнь. Заключенный в различного рода социальные рамки с момента рождения, человек априори подвержен влиянию внешнего окружения и его память не является исключением. В данном контексте Хальбвакс формулирует оксюморон, который заключается в том, что индивидуальная память в полной мере не принадлежит человеку, а формируется и видоизменяется в соответствии с изменением социальной среды, таким образом, индивидуальное не является индивидуальным в прямом смысле этого слова [5, с. 128].

Идея социальной детерминированности человеческих воспоминаний является ключевой для философии Хальбвакса, который утверждал, что память человека, рожденного внутри семьи (малой социальной группы), с самого начала формируется на основании социальных рамок, предложенных данной группой. Само понятие социальных рамок также является основополагающим для философской мысли Хальбвакса и означает разнообразие социальных факторов, окружающих человека ориентиров, которые определяют, формируют и регулируют память. Социальные рамки задают вектор развития для мыслительной деятельности человека посредством постоянных «напоминаний о себе», способны влиять на процессы, происходящие в сознании индивида, а также формировать и, что самое главное, деформировать уже сложившиеся воспоминания о прошлом.

Первичная социальная рамка, с которой сталкивается человек в условиях существующей реальности, – это язык. Язык является «навязанной» социальной рамкой, которую человек не выбирает при рождении, но которую он вынужден принимать в качестве инструмента для познавательной деятельности. В данном контексте язык создает личность человека, формируя его сознание на ранних этапах развития, предлагая в качестве инструментов описания мира слова и идеи, которые он сам предоставляет нашему уму [3, с. 28]. Несмотря на то что язык представляет собой многовековой процесс в человеческой эволюции, заданный и развивающийся непосредственно самим человеком, отказаться от его употребления или даже не начать изучать его, будучи погруженным в социальную среду, попросту невозможно [6, с. 230]. Что касается человеческих воспоминаний о прошлом, по мнению Хальбвакса, их реконструкция невозможна без владения языком, так как именно языковые рамки память использует для того, чтобы воспроизводить воспоминания в сознании человека для их

последующей ретрансляции. Таким образом, для того чтобы рассказать другому человеку о своих воспоминаниях, необходимо «схватить» их в языковые рамки, обрамить саму мысль. Данный тезис в философии Хальбвакса подтверждает идею о социальной детерминированности индивидуальной памяти: память не может функционировать без словесных конвенций, заимствованных из социальной среды, поэтому она базируется, развивается и изменяется в соответствии с социальными рамками. Язык является самой устойчивой социальной рамкой, а его утрата приводит к невозможности взаимодействия человека с социальной группой и адекватного восприятия окружающей реальности.

Человек, рожденный в обществе и освоивший язык в качестве инструмента фиксации образов окружающей реальности, способен реконструировать данные образы в своем сознании как целенаправленно, так и неосознанно. В качестве методов осуществления данного процесса можно назвать причинно-следственные связи, помогающие человеку реконструировать образ воспоминания с детальной точностью. Иногда такие связи выстраиваются самостоятельно, без непосредственного желания индивида, а установить причину всплывшего в сознании образа оказывается непростой задачей. Несмотря на то что в сознании образы могут существовать обособленно от языковых рамок, в форме различного рода «картинок», чувств и эмоций от пережитых моментов, процесс припоминания событий прошлого требует непосредственного участия языковой рамки для реконструкции нужного образа, его нахождения и выделения среди других образов-воспоминаний. На данном этапе человек сталкивается с проблемой искажения образа прошлого, и именно с этого момента начинается скрытое видоизменение человеческой памяти. Язык – подвижная социальная рамка, он видоизменяется, постоянно дополняется новыми словами и выражениями, развивается пропорционально популяризации общественных тенденций, что сказывается на уже существующих языковых выражениях. Многие слова претерпевают смысловые видоизменения, а вместе с ними меняется и мировосприятие человеком окружающей действительности. Данная форма искажений незаметна для человека, однако стоит рассмотреть более явные методы влияния словесных конвенций на уже устоявшийся образ воспоминания в памяти человека.

Хальбвакс называет семью первичным социальным институтом, с которым сталкивается индивид после своего рождения. Именно в семье человек приобретает необходимые навыки для жизни в социуме, в том числе и учится языку. Внутри семьи, как и внутри любого другого социального института, формируется коллективная память – память о про-

шлом, разделяемая членами данной социальной группы, сообщества и т. д. Коллективная память не только формирует общие воспоминания для группы людей, но и корректирует их в процессе совместного обсуждения событий прошлого. Таким образом, коллективная память накладывается на индивидуальные воспоминания о прошлом, «окружая» и видоизменяя их, и именно в этот момент индивидуальная память человека перестает являться таковой в прямом значении данного слова, так как попадает, хоть и не осознанно, под воздействие индивидуальной памяти другого члена социальной группы. Индивидуальная память деформируется под воздействием коллективной и перестраивается в соответствии с новой полученной информацией от другого члена социальной группы. Данный процесс может происходить как осознанно, когда человек сам хочет восстановить наиболее полную картину произошедших событий и просит другого человека помочь ему в этом, рассказав свою версию произошедшего, так и неосознанно, когда в непринужденной беседе случайным образом выясняются новые детали (зачастую в данном случае индивид не акцентирует внимание на этом, но его память автоматически видоизменяется, а воспоминания дополняются новыми элементами). Эти новые элементы памяти изначально не принадлежали индивиду, они были индивидуальной памятью другого человека, однако в процессе общения происходит слияние воспоминаний, и теперь память индивида посредством воображения достраивает воспоминание в соответствии с новой информацией. Важно отметить, что именно воображение является своеобразным конструктором для человеческой памяти. Выстроенные посредством воображения воспоминания ощущаются человеком как истинные и создают иллюзию того, что тот самостоятельно пережил эти события. Такого рода иллюзорные воспоминания создают целостность автобиографической памяти, когда одно воспоминание следует сразу за другим в хронологическом порядке.

Важно отметить, что интеграция коллективной памяти в индивидуальную не всегда происходит «по хорошему сценарию». В качестве примера, иллюстрирующего данное явление, можно назвать термин «газлайтинг», который был введен в 1960 г. Данное понятие описывает ситуацию, когда один человек (обычно манипулятор) умышленно искажает факты о прошлом, заставляя другого человека почувствовать себя виноватым за определенное действие, которое тот совершил. И хотя этот процесс носит отрицательный характер, в повседневной жизни люди часто сталкиваются с подобными ситуациями. Желание убедить других в своей правоте путем изменения воспоминаний о прошлом не является сиюминутным явлением и существует с давних пор в качестве од-

ного из способов взаимодействия между людьми. Часто манипулятор и его жертва даже не осознают себя причастными к этому процессу и рассматривают его в качестве установленной нормы в общении [7, с. 319]. Газлайтинг обсуждается преимущественно в контексте семейных отношений, в качестве особенности во взаимодействиях между родителями и детьми. Однако данное явление в менее явной форме встречается и в политической деятельности, когда властвующий субъект транслирует «правильную» версию истории массам, которые со временем перестраивают свою индивидуальную память в соответствии с общепринятым отношением к событиям прошлого.

В связи с этим интересными видятся методы влияния западного либерально-демократического сообщества на формирование политики мультикультурализма. В качестве инструмента выступает язык, а именно – подмена языковых понятий с последующим разрушением ассоциативного ряда в сознании масс и, как следствие, неуверенность индивида в правильности своих воспоминаний, убеждений и отношений к событиям прошлого. Нарушение элементов ассоциативного ряда приводит к необходимости дополнения недостающих элементов воспоминания искаженными представлениями, основанными на суждениях, а также коллективной памяти представителей социальных групп.

Понятие «мультикультурализм» первоначально возникло в качестве политического термина, относящегося к государственной политике Канады 60-х гг. XX в. [8, с. 11]. Политика мультикультурализма была призвана разрешить этнические, языковые и конфессиональные сложности при совместном проживании различных народов на территории одного государства. Стремление сохранить этнокультурное разнообразие в социуме является тенденцией и современного западного общества, которое в своем стремлении отказаться от принципа ассимиляции и единой национально-государственной идентичности предпринимает попытки создать поликультурное общество [9, с. 94]. Однако с момента возникновения понятия мультикультурализма прошло более 50 лет, а государства-нации всё еще остаются главными субъектами мировой политической системы, задавая вектор развития как для самого государства, так и для его представителей, включая разнообразные народы и этносы. Само существование государств-наций на Западе является наглядным примером неудавшейся политики мультикультурализма, чем в настоящее время обусловлен и его кризис. Идея равенства и равноправия, лежащая у основания философии мультикультурализма, оказалась несостоятельной ввиду неспособности западных государств примирить культуры народов без вмешательства в их внутренние процессы.

В связи с этим стоит обратить внимание на основные принципы мультикультурного подхода, рассматриваемые современными западными политиками и философами в качестве принципов взаимного сосуществования различных народов на территории одного государства в условиях глобализации и обострившейся в XXI в. проблемы миграции.

В качестве основного принципа мультикультурной политики выступает равное включение представителей всех культурных групп, проживающих на территории страны, в общественную жизнь и их последующее участие в выборе и определении общего блага государства [10, с. 143]. Данный принцип не является однозначным: «знакомство» культуры малых народов с преобладающей культурой и их последующее сосуществование изначально базируются на уже ранее известных правовых принципах, нормах и морали, принятых коренным населением. Это означает, что культура малых народов изначально столкнется не только с правовым полем государства-нации, но и с уже установленными в нем нормами поведения, равно как и последующие мигрирующие национальные меньшинства столкнутся с видоизмененной под воздействием культуры малых народов культурой государства-нации. Здесь важно отметить, что с появлением культурного разнообразия развитию культуры государства-нации способствует как раз культура малых народов, из года в год закрепляющаяся в нормативном поле и имеющая право влиять на динамику и модификацию культуры. И если революция в качестве радикального метода влияния на культуру является достаточно очевидным, то эволюционные изменения посредством политики мультикультурализма носят весьма скрытый характер.

Влияние культур малых народов в западной модели мультикультурализма начало проявляться отчасти из-за неспособности целого ряда западных стран самостоятельно восстановить экономику после Второй мировой войны. Например, в Германии сильная необходимость в рабочей силе стала первым шагом для привлечения иностранных рабочих из Италии, Испании и Турции. Соглашение с Турцией оказалось самым долгосрочным, в результате его действия с 1961 г. в Германию прибыло около 800 тысяч наемных рабочих, образуя внутри страны общины со своими внутренними правилами поведения, законами и ценностями. Такого рода общины были обособлены от культуры Германии и, не являясь включенными в нее, продолжали жить по своим устоям и традициям на территории чужой для них страны. И, хотя Германия активно следовала принципам мультикультурализма, пытаясь «научить» уважению к своей культуре, народы из исламского (как тюркского, так и арабского) культурного ареала не были готовы к такого рода сосуществованию культур. Сложность заключалась

в консерватизме и традиционализме арабо-мусульманских народов, исповедовавших ислам – вторую по величине последователей мировую религию. Сосуществование двух мировых религий (христианства и ислама) на территории относительно небольшого государства стало причиной для религиозной нетерпимости представителей обеих конфессий. В контексте изменения внешнего социокультурного пространства христианство оказалось более открытым к новым мировым тенденциям в отличие от ислама, в котором отсутствует четкое разделение сфер духовного и светского, а каждая область общественной жизни подчиняется законам шариата. В данном контексте из двух противоборствующих религиозных конфессий мультикультурализм должен был сделать равноправных граждан либерально-демократического государства [9, с. 94].

В качестве причины религиозных и межэтнических конфликтов философия мультикультурализма часто называла отсутствие механизмов защиты прав национальных меньшинств. Наиболее обостренной считалась ситуация в экономически слабых странах, особенно там, где политическая власть оказалось неустойчивой, а неравенство между различными этническими и религиозными группами возрастало до критических показателей. Лучшим способом предотвращения конфликтов считалось содействие правам коренных граждан и национальных меньшинств в их реализации при обеспечении политического представительства всем заинтересованным группам. Однако уже на этом этапе можно заметить, что именно государство-нация определяет те культуры малых народов, которые заслуживают получить политические права, основываясь на их готовности к сотрудничеству. Политические права имеют те национальные меньшинства, чьи культурные запросы коррелируются с идеологией культуры государства, таким образом, они получают поддержку от государства в соблюдении своего образа жизни, а также «признание» своей культурной «правоты». Те национальные меньшинства, чья культура и идеология признаются маргинальными, называют второсортными, что в контексте философии мультикультурализма явно противоречит принципу универсальности прав человека [11, с. 50].

Именно государство-нация определяет те языки, которые будут считаться официальными, а также те национальные и религиозные праздники, которые будут отмечаться в стране. Таким образом, правительство разделяет культуру на прогрессивную – отвечающую нуждам и потребностям современного гражданского общества и отсталую – застрявшую в своем консерватизме и более не являющуюся полезной для граждан государства-нации. Более того, такая культура признается инородной и чуждой, а потому вы-

зывает заведомо ложное негативное отношение к себе. Именно здесь стоит обратить внимание на осуществление процесса влияния коллективной памяти социальных групп на сознание индивида и формирование заведомо искаженного отношения к тем или иным социальным явлениям.

В современном политическом дискурсе культурные рычаги давления играют ключевую роль в формировании общественного сознания и коллективной памяти, так как культура несет в себе историю, включая ценности, нормы и мораль, которые оказывают непосредственное влияние на формирование не только личности индивида, но и на коллективное сознание в целом. Осознавая важность сохранения памяти о прошлом для последующего развития общества и цивилизации, государство стремится контролировать культурное пространство народов в своих интересах. Таким образом, культура становится инструментом управления общественным сознанием и его отношением к прошлому, что, в свою очередь, влияет на реакцию современного человека на те или иные исторические события. Так, возникшее на Западе в XVI–XVIII вв. как полноценный научный проект востоковедение изначально представляло собой попытку изучения Востока с позиции языкознания, лингвистики, истории, философии и культуры, стремясь продемонстрировать уклад жизни восточного человека западному сообществу. Однако по мере углубления в процесс изучения культуры восточных стран различия между двумя цивилизациями стали более очевидными, как следствие, возникла дихотомия «Восток-Запад», обусловленная скептическим и стереотипным отношением европейцев к достижениям восточной цивилизации. Такое отношение к культуре Востока в западном (европейском) сознании не является сиюминутным явлением, а берет свое начало во времена греко-персидских войн (492–449 гг. до н.э), когда Восток в глазах жителей Древней Греции представлялся не просто деспотичным, а ассоциировался с рабством и постоянным угнетением [12, с. 26]. Ситуация усугубилась в Средние века, когда религиозные различия привели к резкому противопоставлению теологических норм и культурных установок христианства и ислама, а уже к началу Нового Времени в условиях социально-экономического развития Запады возникает колониализм; закрытость Востока от внешнего мира трактовалась уже не как его таинственность, а как отсталость восточных государств, нуждающихся в цивилизованном влиянии западных «друзей». Европейские колонизаторы продолжали изучение восточных языков с целью приобщения восточных стран к христианству, но не получив должного результата, возвращались на родину и в своих трудах описывали Восток с позиции недружелюбной, закрытой, деспотичной и отсталой

цивилизации. Такие исследования формировали позицию европейского сообщества в отношении восточных народов, которая базировалась преимущественно на стереотипах и субъективных недостоверных знаниях, основанных на суммативных обобщениях по типу «восточного человека», «восточной женщины», «арабского ума» и т. д. Языковые выражения в данном контексте имели наиболее сильное влияние на формирование негативного отношения к Востоку со стороны европейского гражданского общества, ассоциировавшего Восток с уже устоявшимися стереотипами. Таким образом, европейский человек заранее определял восточного человека как религиозного фанатика, лишённого рационального мышления представителя консервативных философских воззрений [12, с. 34]. В сложившейся системе взаимоотношений рациональный, энергичный, вечно развивающийся Запад из всех сил старается помочь зацикленному, деградирующему Востоку. Мультикультурализм в данном контексте был призван оказать необходимую поддержку восточным странам и дать им возможность приобщиться к «правильной» модели развития господствующей цивилизации, хотя изначальной целью мультикультурализма считалось достижение общего блага – мультикультурного компромисса, подразумевающего необходимость частичной добровольной культурной трансформации (в том числе и культурной идентичности) [10, с. 143]. Деятельность европейских стран в отношении представителей ближнего востока происходила через призму сравнения и противопоставления, а осуществляемая политика мультикультурализма превратилась в попытку навязать европейское мировоззрение традиционной культуре Востока. Дихотомия в этом смысле является продуктом не только исторической, но и коллективной памяти человека в связи с постоянной трансляцией идей «несовершенства» Востока на всех уровнях жизни европейского человека. Это связано с тем, что дихотомия «Восток-Запад» в настоящее время представляет собой достаточно обширный пласт культуры западных стран, так как в свое время являла интерес для европейских философов и культурологов, которые рассуждали о влиянии Запада на Восток и Востока на Запад, всё так же указывая на исключительность западной культуры. Столь долговечная враждебность Запада порождает четко сформулированную позицию в отношении Востока, которой по большей степени придерживаются жители европейских стран. Сознательное освещение негативных аспектов восточной культуры (религиозный фанатизм, терроризм и т. д.) и умалчивание позитивных привели к тому, что в настоящее время в западном культурном пространстве Восток вызывает некоторые опасения, а иногда даже страх среди простых людей. Очевидно, что в условиях столь пренебрежительного

отношения к Востоку все меньше и меньше исследователей захотят изучать культуру восточных стран, в то время как простой читатель будет без капли критического мышления соглашаться с выводами европоцентристских произведений. Историческая память в этом смысле напрямую влияет на отношение современного человека к культуре восточных стран, а постоянная пропаганда, вселяющая чувство страха и тревоги, формирует ложное коллективное отношение к Востоку, в том числе на уровне СМИ (новостные сводки, телевизионные передачи и т. д.).

Непрерывное, а порой и весьма агрессивное транслирование коллективной и исторической памяти Запада на мировой арене привело к тому, что все большее число жителей восточных стран (в особенности Ближнего Востока) под влиянием многочисленных ориенталистских исследований европоцентристской направленности (которые, к примеру, в истории философии имеют свою теоретическую основу в гегелевско-целлеровской модели «греческого чуда», уже в XX в. трансформировавшейся в гуссерлевский концепт «духовного образа Европы») в действительности придерживаются позиции «недостаточной развитости» Востока как в культурном, так и в экономическом отношении. В то же время культура Древнего Ближнего Востока является намного более древней, нежели европейская, о чем свидетельствуют памятники духовной культуры и многочисленные археологические находки. Однако систематическое принижение заслуг восточной культуры, а также осознанное умалчивание неудобных для Запада исторических фактов привело к тому, что всё большее число жителей стран Востока выстраивают свое мировоззрение в соответствии с «прогрессивным» укладом жизни европейского человека. Авторитарный характер западного востоковедения способствует закреплению сложившейся европоцентристской модели восприятия западной культуры и ее ретрансляции на различные исторические события вне зависимости от контекста. К примеру, современный европеец рассматривает исторические события через призму европоцентризма, выстраивая свое отношение к прошлому на основании культурных ориентиров, тех же самых рамок памяти, которые определяют его позицию в отношении того или иного исторического события. Весьма долгосрочные взаимоотношения между Востоком и Западом привели к тому, что данное противостояние отпечаталось в культурной памяти западных народов. Теперь дихотомия «Восток-Запад» уже является неотъемлемой частью европейской культуры, в какой-то степени ее способом существования. Через противопоставление своей культуры культуре другого государства складываются

черты, характерные для ныне существующего Запада: развитость, динамичность, прогрессивность, самость, исключительность, активность и т. д. Восток в данном контексте предстает в качестве оппозиции Западу; всё то плохое, что есть в мире, обязательно перекликается с культурой Востока: отсталость, статичность, зависимость от европейских стран, деградация, коррупция, религиозный экстремизм, терроризм и т. д. Таким образом, в сознании представителей западной и даже восточной культуры формируется образ «хорошего» Запада и «плохого» Востока, а постоянное воспроизведение данных образов не только в научном сообществе, но и в информационном пространстве взаимодействия обычных граждан приводит к дестабилизации отношений между двумя цивилизациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанянц М. Т. Межкультурная философия : истоки, методология, проблематика, перспективы / Ин-т философии РАН. М. : Наука – Вост. лит., 2020. 183 с.
2. Зенкин С. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое изд-во, 2007. 264 с.
3. Промахова Е. И. Социальная философия М. Хальбвакса в контексте историко-философского ориентализма и концепции «культурной памяти» (выпускная квалификационная работа магистра). М. : РУДН. 123 с.
4. Halbwachs M. La Mémoire collective. Paris, PUF, 1950. 295 p.
5. Сабанчиев Р. Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 127–132.
6. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. 1921. 334 с.
7. Андросова М. И., Тимофеева Я. А. Социализация личности в проекции токсичной позитивности и газлайтинга // Проблемы современного педагогического образования. 2021. 72-2. С. 318–320.
8. Антонова В. Мультикультуризм. М. : Вариант: ЦСПГИ, 2012. 118 с.
9. Kymlicka W. Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity. N. Y. : Oxford University Press, 2009. 374 с.
10. Веретевская А. В. Мультикультурализм, которого не было : анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. М. : МГИМО МИД России, 2018. 183 с.
11. Kymlicka W. Politics in the Vernacular. N. Y.: Oxford University Press, 2001. 367 с.
12. Говорунов А. В., Кузьменко О. П. Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11). С. 26–43.

*Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы (РУДН)*

*Жданов В. В., доктор философских наук, профессор
кафедры истории философии*

E-mail: zdanov_vv@pfur.ru

*Промахова Е. И., аспирант кафедры истории фи-
лософии*

E-mail: 1142230205@pfur.ru

*Russian People's Friendship University named after
Patrice Lumumba (RUDN University)*

*Zhdanov V. V., Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the History of Philosophy Department*

E-mail: zdanov_vv@pfur.ru

*Promahova E. I., Post-graduate Student of the
Department of History of Philosophy*

E-mail: 1142230205@pfur.ru